

Похоже, я умерла и попала в ад.

— Собирайся, бегом! Тебе нужно пройти всего несколько шагов!

— А она вообще подходит для продажи?

— Половина гостей захочет купить этого ребенка. Не спускайте с нее глаз!

В противном случае, есть ли какая-либо причина проходить через такой ужас с самого рождения?

Ра-а-а-а! — слышался рев снаружи.

От ощущения зловещей атмосферы мои плечи сами по себе опустились.

— Эй, пора, — дрожащим голосом сказал мужчина за моей спиной, стуча в стену.

Я видела его лицо в течение нескольких последних дней, и мне всегда было страшно, потому что у него всего один глаз.

В любом случае, он лишь осмотрел, не помято ли мое светло-фиолетовое платье и нет ли на моем теле каких-либо ран.

В конце он проверил состояние наручников, которые крепко сковывали мне руки.

Они тяжело давили на тощие предплечья и жгли мои запястья.

Оковы были недостаточно мягкими и причиняли боль нежной плоти ребенка.

— Боже мой. Кто-нибудь, принесите лекарство!

Как только деревянные наручники сняли, то все увидели ужасные вздувшиеся следы от них.

Другой человек, который принес пластырь, наложил его мне на запястья, завернул сверху тканью и закрыл отметины.

— Не бойся. Если ты выйдешь туда и заплачешь... Ты помнишь Рури? Мы выбросили его в сточную канаву. Ты станешь пищей для крыс, как и он.

Рури выбросили в сточную канаву... Как только я это услышала, у меня перехватило дыхание.

Повозки с невольниками проезжали через Кепа-Берч уже около недели.

И детей, бежавших от работорговцев, безжалостно убивали, как только ловили.

Рури был одним из них. Он сбежал, используя меня в качестве приманки, и умер на моих глазах.

Когда я вспомнила о его безжизненном теле, у меня ужасно испортилось настроение. Я ощутила, как кровь отхлынула от лица.

Немного позже, когда вновь раздались крики и рев, работорговцы безжалостно утащили меня прочь.

— Ты так долго этого ждала. Вперед!

Как только меня вытащили из палатки, в глаза ударило яркое солнце.

Когда я прищурилась, меня потащили на высокую платформу.

Аристократы, которые закрывали свои лица или носили маски, собрались в просторном месте, все как один рассматривая меня.

— Дочь чудовищного герцога, мать которой умерла по невыясненным причинам в результате трагедии семилетней давности!

Моя биологическая мать погибла в результате несчастного случая. Та трагедия, о которой он говорит, произошла семь лет назад.

Мой биологический отец был брошен в тюрьму в связи с этим инцидентом. Поговаривали, что он уже тоже умер.

Как бы там ни было, я, тогда еще совсем младенец, осиротела.

— Я уверен, что здесь много людей, которым насолил ее отец! Сегодня отличная возможность отплатить за это — купить его дочь и сделать горничной, или...

К сожалению, мой отец, похоже, не был близок со своими родственниками.

Он доверил меня семье графа Семонда, который даже не состоял в кровном родстве с нашей семьёй.

Однако хорошо заботился обо мне, пока не узнал о возможной смерти моего отца.

Конечно, граф Семонд не любил меня так же сильно, как родную дочь, но кормил и содержал достойно.

Но с появлением слухов о смерти отца многое изменилось.

Теперь мне приходилось выполнять одновременно три роли.

На мне лежала ответственность за всю работу в особняке, и я была игрушкой для Шейди, настоящей дочери графской четы Семонд. А еще я была девочкой для битья у служанок.

Не в силах вынести такого обращения, однажды я, рискуя жизнью, сбежала.

Но не смогла далеко уйти, потому что была ребёнком и спряталась совсем рядом, в горе возле поместья, и меня обнаружили очень быстро.

Граф Семонд был в ярости и приказал слугам избить меня, чтобы другим неповадно было бежать.

А очнулась уже в фургоне работоторговцев.

Вот так я и попала на невольничий аукцион.

— Вы можете использовать этого ребенка в свое удовольствие.

Люди называют это место адом.

— Пятьсот!

— Семьсот!

— Восемьсот!

Свет солнца был слишком резким.

Мне хотелось закрыть глаза, но это не изменило бы реальности.

Смотря в пол, я пробормотала:

— Моя жизнь полностью разрушена. Уничтожена.

— Полторы тысячи.

Когда прозвучала эта сумма, наступила тишина.

Даже я удивилась и машинально подняла голову.

За редкими бледно-розовыми волосами, струящимися по подбородку и скрывавшими его дрожь, в ослепительных лучах света проступила неясная тень.

Голос молодого человека отчетливо произнес:

— Если этого недостаточно, я добавлю еще три тысячи.

Он назвал сумму, которую на этом аукционе вряд ли кто-то решиться перебить, включая и любителей спровоцировать рост цены.

Видимо, он хотел прекратить торги и забрать ребенка себе.

Присутствующие на торгах разом умолкли, и в аукционном доме воцарилось смятение.

Словно боясь упустить такое щедрое предложение, распорядитель торопливо закричал:

— Тысяча пятьсот и еще три тысячи! В общей сложности — четыре с половиной тысячи! Кто даст больше?

Меня, до сих пор пытавшуюся оставаться равнодушной, внезапно охватил страх.

Похоже, он богат, раз готов отдать столько денег за семилетнего ребенка.

Я даже не хочу думать о тех страшных вещах, которые произойдут дальше.

К счастью или к сожалению, никто не предложил более высокую цену.

Благодаря этому мои торги закончились, и меня с покупателем отвели в отдельную комнату.

Когда молодой человек, лицо которого я не могла увидеть из-за маски, сделал едва заметный жест, его слуга, стоявший рядом с ним, вручил работнику мешок с деньгами.

— Спасибо за покупку. Вы не ошиблись, купив ее за такую цену.

Не раз и не два я думала, что будущее непредсказуемо, но в этот момент отчетливее всего чувствовала себя погребенной глубоко во тьме.

Тут не было окон, и некуда было бежать, кроме двери, через которую я вошла.

И единственными людьми в комнате были я и тот человек.

Что теперь со мной будет?

Я опустила плечи.

Молодой человек, наблюдающий за мной, задал вопрос:

— Как тебя зовут?

У него был холодный и красивый голос. Я ответила:

— Имя... У меня его нет.

Юноша казался рассерженным, услышав это.

Как бы то ни было, он долго ничего не говорил, а потом очень медленно вздохнул.

— Не двигайся, даже если будет больно.

Затем он опустился, протянул ладонь, взял мои крепко связанные руки и снял наручники, затем убрал ткань и выбросил ее.

Когда мои распухшие запястья почувствовали холодный воздух, у меня по спине побежали мурашки.

Мои плечи задрожали, а он обхватил меня за запястья и тихо заговорил:

— ...Во-первых, семья Семонд несет ответственность за защиту четвертого ребенка Генриха Ситлет Венсгрей. В свою очередь, семья Семонд поддерживается семьей Венсгрей.

Бабах!

Внезапно за дверью раздался громкий взрыв.

Я посмотрела ему за спину, тяжело дыша от удивления, и что-то холодное коснулось моего запястья.

Я увидела, как слабая голубоватая энергия вытекает из руки молодого человека и постепенно погружается в распухшую плоть.

Вскоре из коридора раздалась вопли и крики.

— Во-вторых, нужно дать имя четвертому ребенку. И последнее...

Звукоизоляция двери была не очень хорошей.

Снаружи раздалась серия ужасных звуков.

Голоса работоторговцев, которые мы привыкли слышать, потому что были заперты в течение недели и слышали их на протяжении всего путешествия, кричали:

— Пожалуйста, пощади! Сохрани мою жизнь! У меня есть ребенок, агх-х!

И всё же...

— ...Ты будешь за главного, пока я не заберу ее.

Припухлости на моих запястьях полностью спали, прежде чем я осознала это.

Наручники валялись на полу вместе с тряпками.

Он приподнялся, сделал шаг назад и снял маску.

В поле моего зрения появилось аристократическое лицо, которого никак не вязалось с обшарпанной обстановкой.

Бледное и холодное как кусок стекла, но очень красивое.

— ...Это было обещанием, которое я дал графу Семонду, когда доверил тебя ему семь лет назад. Но теперь это обещание нарушено.

Его короткие волосы были черными как ночь.

Со своими изысканными манерами и впечатляющей красотой он выглядел как таинственное существо — прекрасное, но далекое от обычного человека.

И золотые глаза, похожие на осколки солнца, казалось, заглядывали мне прямо в душу.

Они были того же цвета, что и мои.

— Точно так же, как и те, кто нарушил это обещание, все, кто привез тебя сюда, будут привлечены к ответственности.

Дверь за его спиной широко распахнулась, и оттуда хлынул обжигающе горячий воздух.

Пропитанные потом и кровью доспехи странно поблескивали в тусклом свете.

Глаза рыцарей, появившихся из-за двери, на некоторое время встретились с моим испуганным лицом, затем они быстро перевели взгляды на молодого человека рядом со мной.

Он взял меня за руку, повернулся к ним и сказал:

— Я нашел ее, возвращаемся.

Как мрачный подарок судьбы...

Я стала дочерью герцога Венсгрея — самого отъявленного злодея в империи, который вытащил меня из ада.

.